

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-133-142

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено обоснованию необходимости кодификации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности через разработку и внедрение Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ). Автор проводит критический анализ действующей нормативно-правовой базы, выявляя глубокие системные противоречия между федеральными конституционными законами о специальных правовых режимах и профильными актами, регулирующими деятельность МЧС, Прокуратуры, ФСБ, Росгвардии и МВД. В статье доказывается, что отсутствие единого процессуального регламента межведомственного взаимодействия детерминирует возникновение компетенционных конфликтов, «размывание» ответственности должностных лиц и неоправданные временные издержки при принятии управленческих решений. Основным результатом исследования выступает авторская концепция ЧПК, основанная на принципах процессуальной экономии, единоначалия и оперативной автономии субъектов на местах. В работе предлагается радикальная модель реформативного вертикали власти в зоне чрезвычайной ситуации, где МЧС наделяется статусом единоличного оперативного штаба, а Прокуратура — полномочиями превентивного «чрезвычайного надзора» с правом санкционирования экстренных мер в режиме реального времени. Целью статьи является привлечение внимания научного сообщества и законодательных органов к необходимости создания междисциплинарной рабочей группы на базе ведущих ведомственных вузов для разработки текста кодекса. Автор исходит из постулата, что упорядочивание чрезвычайного законодательства позволит сократить время реагирования на угрозы, где каждая выигранная минута напрямую конвертируется в спасенные жизни граждан. Итогом внедрения ЧПК должно стать укрепление национальной безопасности и повышение правовой устойчивости системы государственного управления перед лицом нарастающих техногенных и гибридных вызовов.

Ключевые слова: Чрезвычайно-процессуальный кодекс; национальная безопасность; Прокуратура; МЧС; межведомственное взаимодействие; специальные правовые режимы; кодификация законодательства; чрезвычайная ситуация; процессуальная экономия; юридическая коллизия.

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,
Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev,
Russia, Saint Petersburg

THE CONCEPT OF THE EMERGENCY PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A TOOL FOR SYSTEMATIZING LEGISLATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

Annotation. *This study substantiates the necessity of codifying legislation in the field of national security through the development and implementation of the Emergency Procedure Code of the Russian Federation (EPC RF). The author conducts a critical analysis of the current regulatory framework, identifying profound systemic contradictions between federal constitutional laws on special legal regimes and specialized acts governing the activities of the Ministry of Emergency Situations (EMERCOM), the Prosecutor's Office, the FSB, Rosgvardia, and the Ministry of Internal Affairs. The article argues that the lack of a unified procedural regulation for interagency cooperation results in jurisdictional conflicts, the "blurring" of official responsibility, and unjustified time delays in administrative decision-making. The primary result of the study is the author's concept of the EPC, based on the principles of procedural economy, unity of command, and the operational autonomy of local actors. The paper proposes a radical model for reformatting the vertical of power within emergency zones, where the Ministry of Emergency Situations is granted the status of a sole operational headquarters, while the Prosecutor's Office is endowed with the powers of preventive "emergency supervision," including the right to authorize emergency measures in real-time. The purpose of the article is to draw the attention of the scientific community and legislative bodies to the need for creating an interdisciplinary working group based at leading departmental universities to draft the code. The author proceeds from the postulate that streamlining emergency legislation will reduce response times to threats, where every minute saved directly translates into lives saved. The implementation of the EPC is intended to strengthen national security and enhance the legal resilience of the public administration system in the face of growing technogenic and hybrid challenges.*

Key words: *Emergency Procedure Code; national security; Prosecutor's Office; EMERCOM; interagency cooperation; special legal regimes; codification of legislation; emergency situation; procedural economy; legal conflict.*

Введение

Современная правовая система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой архаичный конгломерат норм, лишенный внутреннего единства и процедурной связности. Существующий нормативный каркас, включающий ФКЗ № 1-ФКЗ «О военном положении», ФКЗ № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также множество федеральных законов (№ 390-ФЗ «О безопасности», № 68-ФЗ, № 35-ФЗ, № 114-ФЗ, № 226-ФЗ, № 3-ФЗ, № 40-ФЗ, № 151-ФЗ) и подзаконных актов (Постановление Правительства РФ № 794), образует то, что в доктрине справедливо именуется «правовым лоскутным одеялом». Это не просто метафора, а точная характеристика системы, где каждый новый вызов приводит к наложению очередного нормативного «лоскута» без интеграции в единую ткань, что порождает глубокие системные противоречия и деструктивные компетенционные конфликты. Объектом настоящего исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в процессе обеспечения национальной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций в условиях специальных правовых режимов. Предметом исследования являются нормы федерального конституционного и федерального законодательства, регламентирующие

межведомственное взаимодействие силовых структур, а также процессуальные пробелы и коллизии, препятствующие эффективной реализации принципа единоначалия и прокурорского надзора в кризисных условиях.

Фундаментальная проблема начинается с отсутствия четкого конституционного концепта, что создает предпосылки для дальнейшей разобщенности на уровне отраслевого регулирования. «Итак, в Конституции употребляются следующие понятия — безопасность государства, безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность, обеспечение безопасности, безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность. Приведенные дефиниции говорят о разобщенности основ обеспечения безопасности, содержащихся в Конституции, что не позволяет законодателю, правоприменителю, научному сообществу, гражданам и юридическим лицам в должной мере правильно понимать заложенный в Конституции смысл такого понятия, как "безопасность". Все это в своей совокупности неблагоприятно влияет на национальную безопасность России» [1, с. 104]. Эта концептуальная неопределенность транслируется на уровень отраслевого регулирования, детерминируя хаос ведомственных регламентов.

Детальный анализ диспозиций ключевых актов выявляет следующие противоречия: декларативный характер координационных функций в ФЗ № 390 (ст. 12) не обеспечен императивными процессуальными инструментами в ФЗ № 68 (ст. 4.1, 14); нормы, регулирующие деятельность ФСБ, МВД и Росгвардии (ФЗ № 40, № 3, № 226), закрепляя исключительную ведомственную подчиненность, парализуют принцип единоначалия руководителя ликвидации ЧС, установленный ФЗ № 151 (ст. 14). Завершает данную иерархическую дисфункцию Постановление Правительства № 794, чей подзаконный статус является юридически недостаточным для регламентации межведомственного взаимодействия министерств, обладающих равным правовым статусом. Таким образом, дефицит унифицированного процессуального регламента межведомственного взаимодействия субъектов обеспечения национальной безопасности в условиях правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации детерминирует возникновение коллизий компетенций, «размывание» ответственности и неоправданные временные издержки при принятии оперативных решений.

Теоретические основы и методы исследования

Методологический фундамент работы базируется на комплексном использовании общенаучных и специальных приемов познания. Применение системно-структурного подхода позволило рассмотреть архитектуру национальной безопасности как полицентричную систему, обладающую внутренними деструктивными связями на стыке ведомственных полномочий. Использование формально-юридического метода обеспечило детальный анализ диспозиций действующих нормативных актов на предмет выявления скрытых правовых противоречий, в то время как метод правового моделирования послужил основой для проектирования концептуально новой вертикали управления в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса. Сочетание прогностического метода с анализом правоприменительной практики в условиях особых режимов позволило обосновать необходимость внедрения упрощенных процессуальных циклов и расширения надзорных полномочий прокуратуры как необходимых условий для сохранения государственной устойчивости.

Авторский понятийный аппарат

1. Чрезвычайный процесс — это установленный федеральным законодательством регламентированный порядок для наиболее эффективного взаимодействия между сило-

выми структурами во время чрезвычайной ситуации, стихийного бедствия или военного положения.

2. Чрезвычайно-процессуальный кодекс (ЧПК) — это единый систематизированный федеральный закон, учитывающий всё законодательство Российской Федерации в области безопасности, четко устанавливающий вертикаль и горизонталь полномочий между силовыми структурами во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.
3. Субъекты чрезвычайной юрисдикции — наделенные специальными полномочиями должностные лица и органы государственной власти, осуществляющие правоприменительную, распорядительную и контрольно-надзорную деятельность в целях обеспечения безопасности в условиях экстраординарных правовых режимов.
4. Чрезвычайно-процессуальная форма — это нормативно установленная процедура совершения юридически значимых действий в условиях экстраординарных режимов, характеризующаяся упрощенным порядком документирования и сокращенными сроками реализации.
5. Оперативная субординация — временное переподчинение личного состава и ресурсов одного ведомства руководителю ликвидации ЧС или иному уполномоченному лицу другого ведомства на период действия чрезвычайного режима.
6. Процессуальный иммунитет гуманитарных миссий — правовой режим, гарантирующий беспрепятственное осуществление аварийно-спасательных и медико-санитарных мероприятий, приоритет которых не может быть ограничен действиями иных силовых структур, за исключением случаев прямой угрозы жизни персонала.
7. Чрезвычайный надзор — специфический вид прокурорской деятельности, осуществляемый в режиме реального времени непосредственно в зоне ЧС, направленный на мгновенное пресечение должностных правонарушений и санкционирование мер принуждения без обращения в судебные органы.

Обоснование создания ЧПК РФ как императива системной кодификации

Суть предлагаемой реформы заключается не в создании еще одного «поскута», а в разработке единого кодифицированного акта, который в условиях кризиса «замораживает» действие обычных ведомственных регламентов и включает

универсальный режим чрезвычайного процесса. Текущее состояние правового регулирования свидетельствует о том, что «действующая в Российской Федерации нормативно-правовая база по вопросам обеспечения национальной безопасности позволяет не только увидеть недостатки регулирования в данной сфере, но и определить пути ее дальнейшего совершенствования» [2, с. 69]. ЧПК и является предлагаемым кардинальным путем совершенствования, направленным на преодоление разобщенности через системную кодификацию. Актуальность такой реформы продиктована самой природой современных угроз. «При рассмотрении теоретико-методологических аспектов правового обеспечения национальной безопасности следует отметить, что происходящие преобразования российской действительности на фоне проблем международного характера обуславливают актуальность создания и поддержания эффективной системы обеспечения национальной безопасности. В настоящее время безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно необходимых для общества и государства объектов от угроз внутреннего и внешнего характера» [3, с. 64].

Юридическая техника такого кодекса должна обеспечивать его верховенство над ведомственными ФЗ в условиях кризиса, гарантируя единообразие действий всех сил безопасности. Это означает переход от административного хаоса, основанного на межведомственных соглашениях и подзаконных актах, к процессуальному порядку, основанному на законе высшей юридической силы. Актуальность такого перехода подтверждается пониманием роли государственных систем: «Государственные системы обеспечения национальной безопасности играют ключевую роль в защите интересов страны, её граждан и сохранении территориальной целостности. Они представляют собой комплекс мер и структур, направленных на предотвращение внутренних и внешних угроз, а также на укрепление позиций государства на международной арене» [4, с. 286]. Однако эффективность комплекса определяется слаженностью его элементов, что невозможно без единого процессуального регламента, трансформирующего совокупность структур в единый организм.

Особенно ярко необходимость кодификации видна в сфере противодействия терроризму, где действует специальный закон, но отсутствует интеграция с общим режимом ЧС. «В данный момент в России антитеррористическая деятельность регламентируется Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данным федеральным законом в России

определены: организационные основы противодействия терроризму; условия и правовой режим проведения контртеррористических операций; силы и средства, привлекаемые для проведения контртеррористической операции; порядок возмещения вреда, причиненного в результате террористического акта, а также меры для пострадавших в результате террористического акта; правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом; ответственность организаций за причастность к терроризму; вознаграждение за содействие борьбе с терроризмом» [5, с. 121]. Однако данный закон, будучи специализированным актом, создает изолированный правовой режим, который в реальной кризисной ситуации (например, при теракте, осложненном техногенной аварией) неминуемо вступает в конфликт с режимом ликвидации ЧС, регламентированным ФЗ №68. Только Чрезвычайно-процессуальный кодекс может стать наднациональным актом, интегрирующим все специальные режимы в единый алгоритм действий, устраняющий саму возможность подобных конфликтов.

Эмпирическое обоснование концепции ЧПК на основе статистического анализа государственных докладов МЧС России

Институциональная необходимость разработки Чрезвычайно-процессуального кодекса находит свое неопровержимое эмпирическое подтверждение в данных государственной статистики, которая фиксирует не просто рост числа инцидентов, а качественную трансформацию структуры угроз. Сравнительный анализ Государственных докладов МЧС России «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» за 2023 и 2024 годы демонстрирует тревожные тенденции, которые действующая разрозненная правовая система не в состоянии нивелировать.

Согласно статистике, при общем снижении количества ЧС в 2024 г. на 10,82% (с 305 до 272 случаев), наблюдается резкий рост масштаба и тяжести последствий происшествий. Количество ЧС федерального характера увеличилось в 3 раза (с 3 до 9), межрегиональных — в 2 раза (с 1 до 2), а региональных — на 21,2% (с 33 до 40). Снижение числа локальных (на 15,8%) и муниципальных (на 17,8%) происшествий на фоне роста глобальных угроз однозначно указывает на дефицит оперативного ресурса и недостаточность управленческих моделей существующих систем при ликвидации масштабных, трансрегиональных катастроф. Именно такие катастрофы требуют мгновенной мобилизации и бесшовной координации ресурсов

из разных субъектов Федерации и различных ведомственных «вертикалей», для чего текущие механизмы не приспособлены, что и обосновывает необходимость централизации полномочий в рамках единого ЧПК.

Наиболее критичной является динамика человеческих потерь, напрямую свидетельствующая о фатальных издержках несогласованности. Число погибших в 2024 г. увеличилось на 59,35%, достигнув 494 чел. (против 310 чел. в 2023 г.). При этом 96% этих смертей приходится на техногенный сектор. Катастрофически показателна низкая доля спасенных при техногенных ЧС — всего 2% (360 чел.) от общего числа спасенных в 2024 г., в то время как при природных ЧС спасено 98% (21 051 чел.). Этот чудовищный дисбаланс является прямым статистическим доказательством авторской гипотезы о фатальном влиянии временных издержек на межведомственное взаимодействие в условиях техногенных аварий. В отличие от природных катастроф, где угроза часто развивается предсказуемо, техногенная авария требует немедленной, в течение «золотого часа», слаженной реакции различных подразделений, подчиненных разным ведомствам. Дефицит чрезвычайного процесса ведет к невосполнимым потерям.

Число пострадавших в 2024 г. достигло 696 464 человек, увеличившись в 2,4 раза по сравнению с предыдущим периодом (287 595 чел.), что создает беспрецедентную нагрузку на социальную, медицинскую и правовую системы. Материальный ущерб в 2024 г. составил 70 641 275,249 тыс. руб., показав рост на 9,83% к 2023 году и почти в 9 раз (на 802%) по сравнению с 2022 годом (7,8 млрд руб.). Столь резкая интенсификация последствий при количественном снижении инцидентов доказывает, что текущая модель правового регулирования не соответствует масштабу и комплексности современных угроз. Внедрение ЧПК, устанавливающего четкие алгоритмы и ответственность, позволит нивелировать риски управленческого паралича и обеспечить правовую устойчивость государства в условиях прогрессирующего материального и демографического ущерба.

Концептуальные основы и архитектура Чрезвычайно-процессуального кодекса

Концептуальное проектирование Чрезвычайно-процессуального кодекса (ЧПК) РФ в рамках настоящего исследования направлено на формирование унифицированного правового алгоритма, заменяющего неопределенность и конфликт на порядок и подчинение в условиях дефицита времени и ресурсов. Оно базируется на трех ключевых, взаимосвязанных элементах: уни-

фикации субъектного состава, введении специальных процессуальных сроков и форм, а также создании сбалансированной системы мер принуждения.

В части субъектного состава концепция ЧПК предполагает радикальный переход от ведомственной разобщенности к строгой функциональной классификации сил. Предлагается законодательно закрепить дифференциацию субъектов чрезвычайной юрисдикции по их оперативной роли: аварийно-спасательные формирования, органы охраны правопорядка и службы материально-технического обеспечения. Такой подход позволит установить транспарентную вертикаль управления, при которой оперативное подчинение определяется не ведомственной принадлежностью, а спецификой доминирующей угрозы, обеспечивая тем самым реализацию принципа единоначалия на межинституциональном уровне.

Блок специальных процессуальных сроков и форм базируется на принципе оперативности и процессуальной экономии. Концепция предусматривает введение преклюзивных (пресекательных) сроков для принятия распорядительных действий (например, час на решение об эвакуации) и внедрение упрощенного порядка фиксации юридически значимых фактов. «Правовые средства механизма правового режима контртеррористической операции по характеру являются процессуальными. К процессуальным нормам относятся нормы, регулирующие процессуальный порядок. Это можно определить исходя из процессуальных особенностей правового режима контртеррористической операции, регулирование которых происходит путем временных ограничений прав и свобод граждан» [6, с. 105]. Эта логика применима ко всем режимам ЧС. Внедрение чрезвычайного-процессуальной формы (протоколирование по факту, использование фото- и видеофиксации с геотегами) легитимизирует упрощенные процедуры, превращая их из вынужденного нарушения в предусмотренную законом норму.

Раздел о мерах принуждения призван обеспечить баланс между интересами национальной безопасности и конституционными гарантиями. Процессуальное закрепление процедур ограничения прав должно сопровождаться жестким алгоритмом. При этом ключевым принципом должно оставаться правило, согласно которому «в условиях контртеррористической операции ограничения прав не должны быть чрезмерными, они должны быть соответствующими и сводиться к необходимому минимуму. Объем ограничения прав граждан в первую очередь связан с уровнем террористической опасности» [7, с. 189]. Четкие протоколы фиксации оснований и объема изъятия

частных ресурсов сформируют превентивный механизм защиты государства от последующих судебных исков. Как отмечают исследователи, «Юридические средства противодействия угрозам национальной безопасности обеспечивают законную основу для предотвращения и нейтрализации возможных вызовов, угроз и агрессий, направленных против государственного суверенитета, территориальной целостности, экономической стабильности и общественного порядка» [8, с. 62]. ЧПК, регламентируя меры принуждения в чрезвычайно-процессуальной форме, и выступает таким комплексным юридическим средством, легитимизирующим необходимые, но строго ограниченные действия государства в кризисе.

Вертикаль власти в ЧПК: МЧС как «директор кризиса» и Прокуратура как «гарант легитимности»

В рамках авторской концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса предлагается радикальный пересмотр межведомственной субординации через установление жесткой, но четкой вертикали управления, увенчанной двумя ключевыми институтами: оперативным командованием МЧС и надзорным контролем Прокуратуры.

Центральным элементом оперативного управления выступает законодательное закрепление за МЧС России статуса единоличного оперативного центра («директора чрезвычайной ситуации»). В рамках ЧПК руководитель ликвидации от МЧС наделяется исключительным правом оперативной субординации всех задействованных сил, включая подразделения МВД, Росгвардии и приданные воинские формирования, находящиеся в зоне действия правового режима. Данная мера направлена на преодоление межведомственного дуализма и исключение противоречивых командных цепочек, которые в действующей системе РСЧС носят рекомендательный или координационный, но не директивный характер для иных силовых ведомств. Это полностью соответствует системной роли МЧС, поскольку, как отмечается в исследованиях, «все федеральные органы исполнительной власти тем или иным образом обеспечивают выполнение предписаний, заложенных в текст Стратегии национальной безопасности» [9, с. 51], но выделяет его как главного координатора и единоличного распорядителя в кризис.

Особое место в архитектуре ЧПК занимает институт чрезвычайного надзора Прокуратуры РФ. Прокурор наделяется полномочиями превентивного и непрерывного контроля непосредственно в месте дислокации оперативного штаба. В режиме реального времени он осуществляет

санкционирование экстренных мер, ограничивающих права граждан (от изъятия имущества до ограничения передвижения), и мониторинг законности распределения материальных ресурсов. Такой подход создает процессуальный заслон коррупционным факторам и обеспечивает немедленную правовую оценку действий должностных лиц. Данное предложение основано на понимании особого статуса прокуратуры, поскольку «в связи с тем, что в механизме государственной власти положение органов прокуратуры является особым, данные органы имеют возможность, используя средства прокурорского надзора, выявлять относящиеся к сфере национальной безопасности угрозы, осуществлять их нейтрализацию. При этом в силу общей целевой направленности деятельности данных органов они способствуют утверждению авторитета права, укреплению основ конституционного строя» [10, с. 195]. В условиях ЧС эта нейтрализация угроз правовому порядку должна быть немедленной.

Применительно к компетенции ФСБ России концепция предусматривает сохранение их главенствующей роли в оперативно-розыскном и силовом обеспечении при пресечении актов терроризма. «Терроризм представляет собой существенную угрозу безопасности, требующей от всех граждан, спецслужб, правоохранительных ведомств и органов власти всех уровней максимально скоординированных усилий, направленных на предотвращение террористической деятельности» [11, с. 32]. Однако для обеспечения этой координации ЧПК должен установить процессуальный иммунитет гуманитарных миссий: действия ФСБ не могут препятствовать выполнению МЧС задач по спасению жизни граждан. Напротив, устанавливается императивная обязанность содействия. Решение прокурора на месте является окончательным и может быть отменено только вышестоящим прокурором или Президентом РФ.

Горизонталь власти в ЧПК: процессуальная автономия и оперативная субординация на месте инцидента

Концепция ЧПК предполагает внедрение гибкой модели горизонтального взаимодействия, минимизирующей иерархические издержки и купирующей «командный паралич» в условиях дефицита времени, когда секунды решают судьбу человеческих жизней.

Предлагается легализовать процессуальную автономию субъектов низового и основного командного звена (младший и основной офицерский состав), наделив их правом принятия самостоятельных юридически значимых решений в

ситуации крайней необходимости. В рамках ЧПК устанавливается презумпция правомерности оперативных действий офицера, непосредственно находящегося на месте происшествия, если такие действия направлены на спасение жизни граждан или сохранение критически важного имущества. Такой подход соответствует пониманию процесса как динамической категории. «...процесс как категория в праве — это специальная, последовательно направленная и строго формально определенная форма реализации материальных и процессуальных норм, регулирующих правоотношения, возникающие между субъектами права, выраженная в строго определенных процессуальными нормами пределах и последовательности, именуемыми стадиями, с целью установления обстоятельств, необходимых для принятия решения по административным, гражданским и уголовным делам» [12, с. 139]. Чрезвычайный процесс как раз и требует специальной, но максимально гибкой и быстрой формы реализации норм на тактическом уровне, где стадии могут сжиматься до минут.

Горизонтальная коммуникация между представителями различных структур на месте ЧС должна осуществляться на основе принципа оперативной субординации, определяемой ЧПК. Офицер, первым прибывший на место или обладающий наиболее релевантной компетенцией в конкретном инциденте (например, офицер ФСБ, первым установивший периметр безопасности при обнаружении взрывного устройства), наделяется временными распорядительными полномочиями в отношении прибывающих сил иных оперативных служб до момента установления связи с вышестоящим штабом и прибытия официального руководителя ликвидации от МЧС. При этом в рамках горизонтального взаимодействия работники прокуратуры сохраняют абсолютный приоритет в вопросах надзора за законностью. Никто, включая руководителя ликвидации ЧС или командира на месте, не имеет права отдавать приказы прокурору или его помощникам, вмешиваясь в осуществление надзорных функций. Обязанность всех иных субъектов — беспрекословно исполнять законные требования прокурора, направленные на пресечение правонарушений. Такая модель сохраняет стратегическую вертикаль за МЧС в оперативном управлении, но гарантирует независимость и верховенство прокурорского надзора как механизма правового контроля.

Важнейшим процессуальным элементом ЧПК в данном аспекте является институт отложенной верификации. Все правовые и служебные разбирательства относительно целесообразности и законности действий, предпринятых в состоя-

нии крайней необходимости по упрощенным процедурам, императивно переносятся на посткризисный период. Это исключает ключевой риск превентивного отказа должностных лиц от активных действий из опасения последующего немедленного дисциплинарного или уголовного преследования, обеспечивая тем самым максимальную концентрацию ресурсов на выполнении гуманитарных задач в критической фазе развития катастрофы.

Принцип «Процессуальной экономии» как основа эффективности ЧПК

В контексте авторской концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса принцип процессуальной экономии выступает не просто рекомендацией, а базисным императивом для радикального, но законного упрощения всей правоохранительной и административной деятельности в условиях кризиса. Этот принцип реализуется в нескольких ключевых направлениях.

Во-первых, предлагается внедрение упрощенного порядка следственных действий по составам, посягающим на национальную безопасность (терроризм, диверсии, саботаж), совершенным в зоне ЧС. Это предполагает сокращение формальных процедур до минимума, необходимого для неотложного закрепления доказательственной базы. «Преобладающее количество угроз национальной безопасности носит экзистенциальный характер и требует оперативной реализации мер, направленных на их элиминирование» [13, с. 205]. Процессуальная экономия и есть инструмент обеспечения этой оперативности в условиях, когда стандартные процедуры неэффективны и ведут к невозможным потерям.

Во-вторых, модернизируется институт прокурорского надзора. В ситуациях «абсолютной неотложности» прокурор в зоне ЧС наделяется правом единолично санкционировать оперативно-розыскные мероприятия и задержания, подозреваемых без предварительного судебного решения. Прокуратура в данной модели аккумулирует функции досудебного фильтра, оперативно пресекая противоправную деятельность на месте. Для обеспечения непрерывности такого надзора в зонах высокой опасности концепция предполагает привлечение военных прокуроров, обладающих необходимой подготовкой. Однако устанавливается строгая субординация: работник территориальной прокуратуры, назначенный руководителем надзора в зоне ЧС, обладает безусловным приоритетом.

В-третьих, ЧПК должен регламентировать особый порядок изъятия и исследования электронных носителей информации в режиме чрез-

вычайной ситуации. Процедура изъятия упрощается до факта фиксации прокурором или уполномоченным офицером, что позволяет немедленно приступать к криминалистическому анализу данных для блокировки цифровых каналов координации угроз, не дожидаясь длительной процедуры получения судебной санкции, которая в условиях разрушенной инфраструктуры может быть просто невыполнима.

Обоснование интеграции научно-экспертного потенциала в процесс разработки Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации

Масштабная реформа системы обеспечения национальной безопасности через кодификацию процессуальных норм требует консолидации интеллектуального потенциала ведущих правовых школ России. Глубина затрагиваемых межотраслевых связей (конституционное, административное, уголовное, уголовно-процессуальное право) и необходимость детальной проработки институтов субординации детерминируют создание междисциплинарной рабочей группы, способной трансформировать предложенную научную парадигму в жизнеспособный, технически безупречный федеральный закон. Актуальность этой работы многократно усиливается прогностическими оценками. «Прогноз развития социально-политической обстановки в России свидетельствует о том, что около 10 очагов напряженности в будущем готовы вылиться в вооруженные конфликты» [14, с. 8]. Правовая система должна быть готова к таким вызовам не постфактум, а заранее, что требует безотлагательного начала научно-проектной работы.

В качестве стратегической интеллектуальной площадки предлагается формирование на базе Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России совместно с Университетом прокуратуры Российской Федерации специализированного научно-исследовательского центра по разработке проекта ЧПК. Синергия уникального оперативного опыта спасательных служб и фундаментальной надзорной экспертизы позволит создать правовой инструмент, отвечающий вызовам завтрашнего дня. Этот призыв особенно актуален в свете констатации ведущих ученых о том, что «сегодня научное сообщество столкнулось с перспективой возвращения исследований в сфере общественной безопасности на доктринальный этап оспаривания и дискутирования всего признанного научной общественностью терминологического и сущностного понятийного аппарата» [15, с. 32]. Предлагаемые в статье авторский понятийный аппарат и концепция ЧПК являются непосредственным откликом на этот вызов, предлагая

новую доктринальную и понятийную основу для систематизации законодательства.

Настоящее исследование закладывает методологический фундамент и определяет архитектуру будущего кодекса. Автор призывает к широкой научной интеграции докторов и кандидатов юридических наук, специализирующихся на конституционном, административном, уголовном и международном праве, для содержательного наполнения предложенной концепции, проработки деталей и процедур. Объединение усилий ученых из силовых вузов (МЧС, прокуратуры, МВД, ФСБ) позволит преобразовать данную инициативу из теоретического проекта в полноценный, взвешенный законопроект, обеспечив государству надежный, легитимный и эффективный механизм управления в условиях любого кризиса.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что разработка и внедрение Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации является не просто научно-теоретической задачей, но вопросом обеспечения жизнеспособности государства в условиях эскалации техногенных, природных и гибридных угроз, статистика по которым демонстрирует тревожный рост тяжести последствий. Формирование единого правового поля для деятельности силовых структур в кризисных ситуациях через кодификацию позволит купировать риски управленческого паралича и институциональных конфликтов, которые ежегодно уносят сотни жизней и десятки миллиардов рублей материального ущерба.

Принятие кодекса обеспечит существенное снижение нагрузки на судебную систему в посткризисный период. Четкая процессуальная регламентация экстренных мер в форме чрезвычайно-процессуальной формы сделает действия должностных лиц транспарентными и легитимными изначально, минимизируя вероятность массового оспаривания решений и предъявления регрессных исков к государству. Это создаст режим правовой определенности как для субъектов чрезвычайной юрисдикции, так и для населения.

Предложенная концепция выступает фундаментальным базисом, отправной точкой для глубокой доктринальной проработки научным сообществом под эгидой ведущих ведомственных вузов. Дальнейшее игнорирование необходимости кодификации чрезвычайного законодательства и сохранение текущего состояния правового лакунарства и коллизий неизбежно ведет к деградации правового поля национальной безопасности и снижению эффективности государственного реагирования на критические вызовы.

Список литературы:

- [1] Шеншин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 103-106.
- [2] Пархоменко А.Г., Портнова Е.В. Обеспечение национальной безопасности как приоритетное направление развития Российского государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 69-77.
- [3] Маилян А.В. Национальная безопасность: анализ проблем //Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 62-65.
- [4] Галимов Э.Р., Усманов А.К. К вопросу об обеспечении национальной безопасности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 285-288.
- [5] Асеев И.И. Система борьбы с терроризмом в Российской Федерации и перспективы ее совершенствования в области национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 120-124.
- [6] Попков Д.В., Лукьянова А.В. Организационно-правовой механизм режима контртеррористической операции // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 105-108.
- [7] Попков Д.В., Фролова Л.В. Допустимые пределы ограничения конституционных прав граждан при введении контртеррористических мероприятий //Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 188-191.
- [8] Бидова Б.Б., Исмаилов М.А., Умарова М.А. Правовые средства противодействия угрозам национальным интересам и национальной безопасности //Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 61-63.
- [9] Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И. О месте МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации //Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 50-55.
- [10] Ахмадуллина Р.Д. Вопросы правового регулирования статуса органов прокуратуры Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности России // Вестник СГЮА. 2024. №3 (158). С. 195-200.
- [11] Асеев И.И. Терроризм — угроза национальной безопасности //Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 32-35.
- [12] Куковский А.А., Петров А.В. Некоторые подходы к пониманию и сущности категории «процесс» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. №1. С. 138-142.

[13] Николаенко В.С. Оценка угроз национальной безопасности Российской Федерации /В.С. Николаенко // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 1 (108). С. 205-212.

[14] Зубарев Н.В., Попков Д.В. Роль и место войск национальной гвардии в пресечении внутреннего вооруженного конфликта // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 7-13.

[15] Гирько С.И. Концептуальные подходы и поиск вектора совершенствования научного обеспечения проблем национальной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2024. № 3 (67). С. 28-34.

References:

- [1] Shenshin V.M. On the legal regulation of security//Law and state: theory and practice. 2025. № 4. S. 103-106.
- [2] Parkhomenko A.G., Portnova E.V. Ensuring national security as a priority direction of development of the Russian state//Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2025. T. 13, NO. 1. S. 69-77.
- [3] Mayilyan A.V. National security: analysis of problems//Law and state: theory and practice. 2024. № 8(236). S. 62-65.
- [4] Galimov E.R., Usmanov A.K. On the issue of ensuring national security in the Russian Federation// Law and State: Theory and Practice. 2025. № 3. S. 285-288.
- [5] Aseev I.I. The system of combating terrorism in the Russian Federation and the prospects for its improvement in the field of national security//Law and state: theory and practice. 2024. № 9(237). S. 120-124.
- [6] Popkov D.V., Lukyanova A.V. Organizational and legal mechanism of the counter-terrorist operation regime//Agrarian and land law. 2025. № 4. S. 105-108.
- [7] Popkov D.V., Frolova L.V. Permissible limits for restricting the constitutional rights of citizens when introducing counter-terrorism measures//Agrarian and land law. 2025. № 3. S. 188-191.
- [8] Bidova B.B., Ismailov M.A., Umarova M.A. Legal means of countering threats to national interests and national security//Agrarian and land law. 2025. № 6. S. 61-63.
- [9] Shenshin V.M., Nazarova I.S., Utkin N.I. On the place of the EMERCOM of Russia in the system of ensuring national security in the Arctic zone of the Russian Federation//Law and State; theory and practice. 2023. № 5(221). S. 50-55.
- [10] R.D. Akhmadullina. Issues of legal regulation of the status of the prosecutor's office of the Rus-

sian Federation in the system of ensuring national security of Russia//Vestnik SSLA. 2024. №3 (158). S. 195-200.

[11] Aseev I.I. Terrorism - a threat to national security//Law and state: theory and practice. 2024. № 11(239). S. 32-35.

[12] Kukovsky A.A., Petrov A.V. Some approaches to understanding and essence of the category "process" in law//Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2024. №1. S. 138-142.

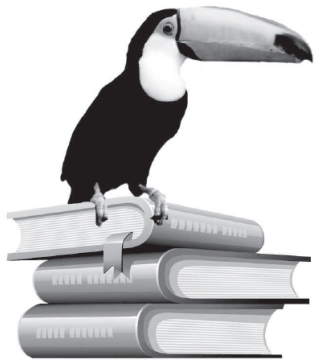
[13] Nikolayenko V.S. Assessment of threats to the national security of the Russian Federation/V.S.

Nikolayenko//Philosophy of law: scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 1 (108). S. 205-212.

[14] Zubarev N.V., Popkov D.V. The role and place of the National Guard troops in suppressing the internal armed conflict//Agrarian and land law. 2025. № 5. S. 7-13.

[15] Girko S.I. Conceptual approaches and the search for a vector for improving the scientific support of national security problems of the Russian Federation//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3 (67). S. 28-34.





ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.